

Прошлое, настоящее и будущее неинституционального подхода в политической науке

Матвеев А. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; matveevalexandr2009@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье описываются этапы становления и эволюции неинституционального подхода. Дается краткая характеристика основных направлений, возникших в рамках неинституционального теоретического направления. На основании сравнительной характеристики неинституциональных подходов выводятся тенденции, существующие в современном неинституционализме. Автор приходит к выводу, что становление неинституционализма не завершено и описывает перспективные направления его дальнейшего развития.

Ключевые слова: неинституционализм, социологический институционализм, институционализм рационального выбора, исторический институционализм, зависимость от предыдущего развития, конструктивистский институционализм, дискурсивный институционализм

Для цитирования: Матвеев А. А. Прошлое, настоящее и будущее неинституционального подхода в политической науке // Управленческое консультирование. 2021. № 5. С. 45–62.

Past, Present and Future of the Neoinstitutional Approach in Political Science

Alexander A. Matveev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; matveevalexandr2009@yandex.ru

ABSTRACT

The article describes the stages of formation and evolution of the neo-institutional approach. A brief description is given of the main directions that arose within the framework of the non-institutional theoretical direction. Based on the comparative characteristics of neo-institutional approaches, trends in modern neo-institutionalism are deduced. The author concludes that the formation of neo-institutionalism has not been completed, and describes promising directions for its further development.

Keywords: neo-institutionalism, sociological institutionalism, institutionalism of rational choice, historical institutionalism, dependence on previous development, constructivist institutionalism, discursive institutionalism

For citing: Matveev A. A. Past, Present and Future of the Neoinstitutional Approach in Political Science // Administrative consulting. 2021. N 5. P. 45–62.

В обширном массиве литературы, посвященной неинституционализму [14, с. 7; 15, с. 146; 46, р. 3], отмечается, что первые попытки исследования институтов были предприняты еще во времена Платона и Аристотеля. Однако в древних трудах не применялось понятие института, которое вошло в научный оборот в XIX в., но описывались явления, которые впоследствии стали называться институтами.

Первоначально связанный с юридической наукой [8, с. 203], а впоследствии получивший развитие как направление экономической мысли институционализм распространился и в других отраслях знания. Поле интересов институционалистов шире, чем экономика, оно включает в себя и другие факторы, влияющие на развитие общества, отсюда вытекают попытки выстраивания взаимосвязей с правом, социологией и политологией, при проведении исследований, выражающиеся в параллельно идущих процессах распространения экономических методов исследования и заимствования методов данных отраслей.

Вышедшие за рамки экономики институциональные исследования, проводившиеся до середины XX в., получили название «старый институционализм». К его представителям принято относить В. Вильсона, Г. Картера, Д. Брюса, Т. Коула, С. Уэсли Митчелла, Ч. Кули, К. Маркса, Т. Веблена, Д. Коммонса, К. Поланьи, Дж. К. Гэлбрейт и др. [5, с. 13; 13, с. 14; 14, с. 8; 15, с. 147; 16, с. 218]¹.

Как видим, к старому институционализму относят большое количество авторов, опирающихся на различные основания в исследованиях. Отечественный исследователь К. П. Кокарев отмечает, что для экономистов и политологов «...понятие «старый» институционализм означает совершенно разные вещи» [6, с. 196]. Если приведенный К. П. Кокаревым список представителей старого институционализма для экономистов в целом совпадает с приведенным выше, то для политической науки список имен будет следующий: Ф. Селзник, П. Дж. Димаджо, У. В. Пауэл, А. де Токвиль, М. Вебер, М. Дюверже и др. [6, с. 196–197]. Полагаем, что старые институционалисты, относящиеся к экономическому направлению, внесли существенный вклад и в политическое направление науки, а политическое направление оказало влияние на экономическое, поэтому четко разделить старый институционализм по направлениям не представляется возможным ввиду взаимного переплетения взглядов, направлений и идей.

Несмотря на обширный спектр исследований, проведенных старыми институционалистами, все они опирались на предположения, что право занимает ведущую роль в управлении; структуры определяют поведение; необходимости сравнивать системы в целом, а не отдельные ее элементы; исторического понимания государств и их политики и важности присутствия нормативного элемента в анализе [46, р. 6–11].

Старый институционализм доминировал до второй половины XX в., когда фокус внимания исследователей переместился от институтов к индивидам, а точнее к индивидуалистическим установкам. Это было связано с так называемой бихевиоральной революцией и развитием теории рационального выбора. Данные события коренным образом преобразовали политическую науку. Несмотря на то, что направления сильно отличаются друг от друга, у них есть ряд сходных черт, таких как: озабоченность теорией и методологией, антинормативный уклон, методологический индивидуализм и концентрации на влиянии экономики и общества на политику и политические институты [46, р. 11].

В целом произошедшая революция приблизило политическую науку к методологии естественных наук. Как верно отметил китайский исследователь Шу-Юн Ма, «методологически был сделан упор на количественный и позитивистский подходы. Общая цель, как и в физике, заключалась в поиске грандиозных теорий, из которых политические „закономерности“ могли бы быть выведенным» [36, р. 61]. Бихевиоризм и теория рационального выбора на долгие годы стали ведущими научными подходами в современной политической науке [36, р. 62].

В 80-е годы XX в. в научную повестку постепенно возвращаются исследования институтов, что обуславливает формирование нового направления, названного в противовес старому институционализму — неоинституционализмом. В отличие

¹ Олейник А. Н. Институциональная экономика: учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2000. С. 28.

от старого институционализма, сосредоточившего внимание на законодательстве и органах государственной власти, неоинституционализм значительно расширяет спектр исследуемых институтов [43, с. 734].

С течением времени неоинституциональная теория разделилась на несколько течений. Единства взглядов относительно вариаций неоинституционализма не наблюдается. В различных классификациях количество выделяемых течений варьирует от двух до семи [30, р. 936; 2, с. 227; 24, р. 674]. Н. Флигстин полагает, что «...перечень новых институциональных течений в принципе мог бы быть сильно расширен» [17, с. 29] ввиду существующих расхождений, относительно теории как внутри течений, так и между представителями наук [17, с. 29]. В целом, несмотря на различные взгляды, сформировавшиеся в различных вариантах неоинституционализма, они объединены общим вниманием к роли институтов в развитии общества. Во всех существующих классификациях неоинституционализма присутствуют три течения, сделавшие наибольший вклад в политическую науку — это социологический, исторический институционализм и институционализм рационального выбора. Остановимся подробнее на каждом из направлений.

В социологии раньше других общественных наук начали заниматься вопросами исследования институтов. Данная традиция была заложена в работах М. Вебера, посвященных бюрократии, и Э. Дюргейма, представляющего социологию как «науку об институтах» [18, с. 315]. Социологический институционализм тесно связан с теорией организации, его основы были заложены в работах Дж. Г. Марча, Дж. П. Олсена, Дж. Мейера, Б. Роузена, П. Дж. Димаджио, У. В. Пауэлла и Н. Флигстина [3; 11; 17; 41; 42; 43].

Значительный вклад в развитие не только социологического институционализма, но и нового институционализма в целом был внесен Дж. Марчем и Дж. Олсеном и их статьей 1984 г. «Новый институционализм: организационные факторы в политической жизни». В данной статье Дж. Марч и Дж. Олсен, описывая предпосылки зарождения неоинституционализма, акцентируют внимание на том, что, несмотря на возврат к идеям старого институционализма, новый институционализм не идентичен ему [43, р. 738]. Выходя за рамки организационной теории, авторы критикуют политическую науку за редукционизм, утилитаризм, инструментализм и функционализм и в целом за недостаточное внимание к институтам [43, р. 734–739]. В отношении институтов Дж. Марч и Дж. Олсен отмечают, «что к политическим институтам можно относиться как к действующим лицам, во многом так же, как мы относимся к отдельным лицам как к актерам, но нам нужны более подробные демонстрации полезности этого» [43, р. 742]. Данная статья, по сути, стала манифестом неоинституционализма, на долгие годы вперед определившая исследовательскую повестку.

Впоследствии идеи, изложенные в статье, нашли развитие в ряде других работ авторов. Прежде всего необходимо остановиться на «Вновь открывая институты: организационные основы политики» [41], в которой авторы продолжают исследовать роль институтов, затрагивая остающиеся до сих пор актуальными проблемы институциональных изменений, оценочные критерии для институтов, а также распределение предпочтений, власти и равенства.

Возможности использования неоинституционализма для исследования организаций также описываются в работах Дж. Мейера, Б. Роузена [11]. Авторы смещают фокус исследования с внутренней среды организации к внешней, полагая, что задаваемые внешней средой стандарты позволяют более глубоко понять сущность организации. Поскольку формальные организации возникают в сильно институционализированных средах, им приходится встраивать рационализированные институциональные правила, которые работают как мифы. За счет встраивания этих правил организации приобретают легитимность и ресурсы, которые позволяют им выживать.

При этом структура организации становится изоморфной к окружению, что может противоречить эффективности, и наоборот — действия, направленные на достижение эффективности, приводят к подрыву устойчивости и легитимности организации.

Более подробно вопросами институционального изоморфизма занимаются П. Димаджио и У. Пауэлл [3], выделившие три вида изоморфизма: принудительный, нормативный и подражательный, он же миметический. Кроме того, важным для развития социологического институционализма является введение авторами понятия организационных полей¹, через существование которых они объясняют происхождение организационных моделей и в чьих интересах они действуют. Таким образом, П. Димаджио и У. Пауэлл дополняют работу Дж. Мейра и Б. Роузена, которые подчеркивали важность церемоний для организаций, но при этом ни те ни другие авторы не объясняют, как возникают институты и в чьих интересах существуют поля.

В дальнейшем, пытаясь ответить на эти и многие другие вопросы, развиваются и интерпретируются взгляды авторов в работах Н. Флигстина. Концентрируя внимание на полях как аренах, на которых взаимодействуют различные акторы, при этом институты, присущие полям, не только ограничивают акторов, но и побуждают их действовать, выстраивая свои стратегии [17, с. 43].

Несмотря на наличие множества внутренних противоречий, П. Холл и Р. Тейлор выделяют три отличительных особенности социологического институционализма:

- 1) более широкое, чем у политологов, определение институтов. В понятие института наряду с формальными явлениями включаются когнитивные сценарии и моральные шаблоны, направляющие действия людей. Тем самым социологические институционалисты стирают концептуальные различия между институтами и культурой. Таким образом, институты начинают рассматриваться как культурные феномены;
- 2) особое понимание взаимосвязи между институтами и действиями индивидов. Именно институты определяют то, что индивиды считают рациональным поведением;
- 3) особый взгляд на процесс возникновения институциональных практик. Практики внедряются организациями из-за того, что способны повысить социальную легитимность организации, а не из-за того, что могут повысить эффективность [30, р. 947–950].

Отсюда и ряд проблем, которые присущи социологическому институционализму: отсутствие четкого разграничения между организациями, а также разграничения между институтами как субъектами и процессом институционализации [46, с. 97]. Как видим, в своих исследованиях социологические институционалисты пытаются объяснить, почему акторы выбирают и поддерживают неэффективные институты.

Институционализм рационального выбора, наоборот, пытается обосновать выбор акторов, исходя из достижения наибольшей эффективности. Возникший на базе исследований Конгресса США [30, р. 942] институционализм рационального выбора на первых этапах развития акцентировался на американской политике, что сужало возможности подхода в выявлении общих закономерностей [1, с. 197]. В целом институционализм рационального выбора позаимствовал «аналитические инструменты из математики, исследования операций и экономики» [52, р. 35]. Что дает основания согласиться с точкой зрения С. Хедлунда, полагающего, что «под-

¹ П. Димаджио и У. Пауэлл дают следующее определение: «Под организационным полем (*organizational field*) мы понимаем те организации, которые в совокупности составляют идентифицируемую сферу институциональной жизни — это ключевые поставщики, потребители ресурсов и продуктов, регуляторы и другие организации, производящие сходные продукты или услуги» [3, с. 37].

ход к исследованию институтов с точки зрения теории рационального выбора в политологии представляет собой нечто вроде моста, соединяющего политологию с экономической теорией вообще, а также с новой институциональной экономикой, в частности» [18, с. 311]

В рамках институционализма рационального выбора, как и в других направлениях неоинституционализма, можно выделить несколько течений, прежде всего отличающихся интерпретацией институтов. Общепринятыми считаются две интерпретации: «институты как ограничение» и «институты как равновесие» [52, с. 26]. В первом случае для акторов экзогенно устанавливаются правила, по которым они вынуждены осуществлять свою деятельность; такая трактовка отсылает нас к пониманию институтов Д. Нормом как «правил игры» [12]. По сути, в первой интерпретации для институционализма рационального выбора характерна фокусировка на индивидах и их предпочтениях. Институты выступают ограничительными рамками, которые позволяют уменьшить неопределенность при принятии решений, так как дают возможность предсказать поведение акторов относительно друг друга.

Во втором случае игроки сами устанавливают правила, которые в данном случае «просто способы, которыми игроки хотят играть» [52, р. 25], тем самым добиваясь равновесия между позициями игроков. Иными словами, «институты — это просто равновесные способы ведения дел» [52, р. 26].

Важными для понимания рационального выбора являются различия между структурированными и неструктурированными институтами. Так, К. Шепсле полагает, что «институты, которые со временем становятся устойчивыми и поддаются сравнениям в разных условиях, структурированы» [52, р. 27], а неструктурированные он характеризует как «более аморфные и неявные» [52, р. 27]. Примером первых может выступать Конгресс США, а вторых — «нормы, координационная деятельность, совместные действия и коллективные действия» [52, р. 27]. Содержательно такое разделение соответствует формальным и неформальным институтам. Институционализм рационального выбора достиг больших результатов при исследовании формальных институтов благодаря тому, что формальные институты устойчивы и относительно постоянны. А при исследовании неформальных возникают проблемы, связанные с их большей изменчивостью и необходимостью при анализе учитывать множество непредвиденных обстоятельств.

Несмотря на большое распространение и применение в политической науке, у институционализма рационального выбора есть ряд ограничений. К. Вейланд на примере исследования латиноамериканской политики показывает эти ограничения. Прежде всего он выделяет три проблемы применения, вытекающие из присущего институционализму рационального выбора упрощенному формально-институциональному подходу — это сложность интересов политической карьеры в Латинской Америке; чрезмерный акцент на Конгрессе и избирательной политике; чрезмерное внимание к формальным правилам [56, р. 62].

Все три проблемы возникают из-за недостаточного внимания к неформальным практикам и институтам, которые преобладают в Латинской Америке. Фактически здесь К. Вейланд солидаризируется с К. Шепсле в том, что институционализм рационального выбора не способен исследовать сложные системы, в которых преобладают неструктурированные (неформальные) институты.

Далее К. Вейланд выделяет пять проблем, связанных с основополагающими принципами институционализма рационального выбора. К этим проблемам относятся: сложности объяснения причинно-следственных связей институтов; неполное объяснение причин политических изменений; проблемы анализа создания институтов; невозможность убедительно объяснить кризисную политику и чрезмерный упор на «микросо основания» и отказ от рассмотрения институтов как действующих лиц [56, р. 62].

Таким образом, К. Вейланд показывает, что не всегда можно применять элегантные и упрощенные конструкции институционализма рационального выбора для объективного анализа сложных и изменчивых систем. Рассуждая о преодолении вышеназванных проблем, К. Вейланд считает, что «усилия по преодолению этих проблем выйдут за узкие рамки этой „парадигмы“ и приведут к теоретически эклектичному подходу, подчеркивающему взаимодополняемость различных „парадигм“» [56, р. 62]. Иными словами, необходимо заимствовать наработки из других направлений неоинституционализма.

Полагаем, что хорошим дополнением к институционализму рационального выбора может быть исторический институционализм. Тем более что между этими двумя направлениями больше общего, чем кажется. В ряде сравнительных исследований [33, р. 16; 55, р. 380], направленных на выявление сходств и различий двух подходов, приводятся аргументы в пользу «творческих комбинаций» [55, р. 380]. Однако о полном смешении подходов говорить нельзя, так как все-таки различия между ними остаются. Прежде всего в аспекте эмпирических проблем [55].

В отличие от институционализма рационального выбора, нацеленного на понимание результатов существования институтов [37, р. 28], исторический институционализм сосредоточен на их происхождении и развитии. Важной особенностью в понимании возникновения и дальнейшего изменения институтов являются две концепции: «критических моментов» (*critical junctures*) [26; 27; 38], или, как по-другому упоминают в литературе, внешние «кризисы» или «поворотный момент», в большинстве случаев являющиеся внешними факторами (т. е. носящими экзогенный характер), приводящими к институциональным изменениям. В дальнейшем произошедшие изменения сохраняются благодаря инициированию процесса *patch dependence* (в отечественной литературе наибольшее распространение получили два перевода — «зависимость от предшествующего развития» и «эффект колеи»)¹.

Обе эти концепции важны для понимания двойственной модели институционального развития, которая наряду с другими причинно-следственными моделями (смещение, расслоение, преобразование, дрейф и истощение) используется для объяснения институциональных изменений в историческом институционализме. Д. Капоччия и Р. Д. Келемен отмечают, что данная модель основана «...на чередовании моментов изменчивости и быстрых изменений и более длительных фаз относительной стабильности и институционального воспроизводства» [26, р. 344]. При этом важно отметить, что именно в краткие фазы, которые называются «критическими моментами», и происходят существенные изменения институтов. Концепция «критических моментов» приобрела широкое распространение в различных работах, при этом каждый исследователь, осмысливая данное явление, дает свое определение. Так, уже упомянутые Д. Капоччия и Р. Д. Келемен определяют критические моменты «как относительно короткие периоды времени, в течение которых существует существенно повышенная вероятность того, что выбор агентов повлияет на результат, представляющий интерес» [26, р. 348]. При этом Д. Капоччия и Р. Д. Келемен не приравнивают критические моменты к моментам изменений, полагая, что «изменения не являются необходимым элементом критического момента» [26, р. 352]. Данное определение было сформулировано как основа решения имеющихся в концепции недостатков в «четырёх важнейших областях: асимметрия мощности, временные горизонты, единицы анализа и возможные ошибки» [26, р. 347].

До Д. Капоччия и Р. Д. Келемена в своих исследованиях к критическим моментам обращались многие авторы; из наиболее известных можно отметить работы Р. Б. Колера и Д. Колера и Д. Махони [27; 38; 40].

¹ Более подробно о применении *patch dependence* в отечественных исследованиях см.: [10].

Р. Б. Колер и Д. Колер в своем исследовании политического развития Центральной Америки определяют критические моменты как «период значительных изменений, который обычно происходит по-разному в разных странах (или в других единицах анализа) и который, как предполагается, приводит к различным последствиям» [27, р. 29]. Придерживаясь аналогичного подхода, Д. Махони определяет критические моменты как «точки выбора, когда конкретный вариант выбран из двух или более альтернатив» [40, р. 113], при этом отмечая, что «как только выбран конкретный вариант становится все труднее вернуться к начальной точке, когда еще было доступно несколько альтернатив» [40, р. 113]. Тем самым подчеркивается связь с процессами *patch dependence*.

Как видим, исследователи сходятся на том, что именно в критические моменты действующие институты ослабевают и у акторов появляется возможность выбрать из нескольких альтернатив, при этом выбор осуществляется в условиях неопределенности. Таким образом, можно согласиться с позицией авторов, полагающих, что «критические моменты обычно понимаются как макрособытия, такие как война, смена режима и т. д., которые изменяют ход истории в обществах, в которых они происходят, и их важность часто может быть установлена только спустя много времени после того, как они произошли» [35, р. 6]. Но при этом необходимо помнить, что «непредвиденные обстоятельства подразумевают, что широкомасштабные изменения возможны и даже вероятны, но также не исключаются и повторное уравнивание. Если учреждение вступает в критический момент, в котором возможны несколько вариантов, в результате может быть восстановлено статус-кво докритического момента» [26, р. 352].

Кроме того, все исследователи сходятся на том, что именно в критические моменты запускаются процессы *patch dependence*, являющиеся вторым элементом двойственной модели развития институтов. В исследованиях принято применять широкую и узкую трактовки *patch dependence* [38; 47; 55 и др.].

При широкой трактовке исследователи склоняются к описанию реактивных последовательностей (*reactive sequences*). Данные последовательности «представляют собой цепочки временно упорядоченных и причинно связанных событий. В реактивной последовательности каждое событие в последовательности является одновременно реакцией на предшествующие события и причиной последующих событий» [38, р. 526]. Каждый последующий шаг в цепочке зависит от предыдущих шагов. Даже небольшие изменения в ранних событиях по истечении времени накапливаются и существенно влияют на итоговый результат.

В узкой трактовке исследователи акцентируют внимание на самоусиливающих последовательностях (*self-reinforcing sequences*), базирующихся на возрастающей отдаче (*increasing returns*). После первых шагов, совершенных в одном из направлений, инициируется движение в том же направлении, которое по истечении времени становится трудно, а иногда и невозможно остановить благодаря возрастающей отдаче, так как изменения могут быть невыгодны действующим акторам. Первоначально получили распространение в работах экономистов, исследующих технологические траектории, и прежде всего в работе П. Дэвида, посвященной исследованию QWRTY-эффектов [4]. Именно данная трактовка *path dependence* получила развитие в политологических исследованиях, так как «политологи из этого извлекли интуитивно привлекательную идею о том, что технология, как и политика, включает в себя некоторые элементы случайности (агентство, выбор), но как только путь выбран, он может „запереться“ (*locked in*), поскольку все соответствующие участники корректируют свои стратегии, чтобы приспособиться к преобладающей модели» [55, р. 385]. Существенный вклад в развитие понимания самоусиливающих последовательностей внесли социологи, выделяющие механизмы воспроизводства и изменений институтов с позиций функциональных, власт-

ных и легитимных теоретических традиций, а также утилитарной теории [38, p. 517]. В целом можно отметить, что эти два типа последовательностей отличаются прежде всего логикой, объясняющей изменения.

Помимо двойственной модели институционального развития, которая является основной для представителей исторического институционализма, в последние годы получили развитие и другие объяснения институциональных изменений. Такие, как смещение (displacemen), наслоение (layering), дрейф (drift), конверсия (conversion) и истощение (exhaustion) [29; 39; 54]. Данные объяснение сосредоточены на постепенных изменениях в отличие от предлагающей чередование длительных периодов застоя с кратковременными экзогенными шоками двойственной модели, описанной выше. Таким образом, путем введения эндогенных источников устраняется проблема, возникающая при попытках дать объяснение постепенных изменений вне рамок критических точек.

Суть смещения (displacemen) заключается в том, что происходит замена уже существующих правил новыми. Естественно, что смещения наблюдаются при экзогенных шоках, таких как революция, но при этом смещения могут быть и постепенными. Инициаторами введения новых институтов являются либо проигравшие в прошлом акторы, либо те, которых не устраивает их положение в сложившейся ситуации [39, p. 16].

В данном случае смещение становится возможным благодаря сочетанию как экзогенных факторов, таких как импорт новых институтов, так и эндогенных факторов, выражающихся в поддержке акторов, получающих наибольшую выгоду от внедрения новых институтов. Кроме того, как отмечают В. Стрик и К. Телен, «изменения в результате смещения могут происходить эндогенно посредством повторного обнаружения или активации ранее подавленных или приостановленных возможностей» [54, p. 21].

При наслоении (layering) также вводятся новые правила, но они в отличие от смещения (displacemen), не устраняют старые, а присоединяются к существующим. Такие наслоения происходят наиболее активно в тех случаях, когда акторы, заинтересованные в изменениях, не могут произвести изменения в первоначальных правилах или создать альтернативный институт и им приходится дополнять существующую систему новыми институтами [39, p. 17]. Содержательно при наслоении происходит дополнение или пересмотр существующих институтов.

Как для дрейфа (drift), так и для конверсии (conversion) источником является сложность изменения формальных правил. Как правило, такая ситуация характерна для тех случаев, когда по тем или иным причинам действующие акторы хотят сохранить формальные институты без изменений. Имея одни источники, дрейф и конверсия различаются по условиям возникновения: дрейф возникает при изменении контекста, конверсия — в результате приспособления имеющихся институтов к тем целям, которые первоначально не предусматривались. Как для дрейфа, так и для конверсии характерно изменение институционального воздействия при сохранении институциональной формы. Но эти изменения достигаются применением различных стратегий: для дрейфа характерна стратегия удерживания, направленная на предотвращение обновления существующих правил, а для конверсии — стратегия, направленная на активное изменение деятельности институтов [29, p. 195].

При истощении (exhaustion) происходит постепенное разрушение институтов. В отличие от четырех других процессов истощение, по сути, приводит не к изменению, а к «институциональному распаду» (institutional breakdown), хотя и постепенному [54, p. 29].

При применении всех пяти способов для объяснения институциональных изменений в развивающихся странах могут возникнуть проблемы, так как формальные

правила там не всегда соблюдаются и порой могут и не влиять на политические результаты. Кроме того, исследователи [54, р. 13], разрабатывающие теорию постоянных институциональных изменений, опираются на узкую трактовку институтов, выводя за рамки определения неформальные институты, соответственно в теоретическом построении опираясь на исследования формальных институтов. Такой фокус исследования ставит вопросы о соотношении формального и неформального в механизме предлагаемых изменений, ведь за рамками остается неформальная сфера, которая также существенно может влиять на институциональные процессы.

Таким образом, исторический институционализм является достаточно вариативным направлением нового институционализма, что позволяет говорить о двойственной природе, которая проявляется в наличии двух конкурирующих версий: липкой (*sticky*), основанной на *patch dependence*, и гибкой (*flexible*), сфокусированной на постепенных изменениях. «Первый подход является чрезмерно структурным и мало что может сказать об агентских или эндогенных институциональных изменениях. Второй подход исправляет это, сосредотачиваясь больше на агентстве и эндогенных изменениях, но слишком мало говорит об институциональных ограничениях, застое или преемственности» [23, р. 724]. Попытки преодолеть данную двойственность были предприняты исследователями в рамках конструктивистского и дискурсивного направлений институционализма. Два этих направления появились в последнее время и не были включены в общеизвестные классификации неинституционализма, но при этом являются одними из самых перспективных, так как пытаются преодолеть ограничения трех вышеописанных направлений неинституционализма.

Конструктивистский институционализм берет начало в историческом институционализме, послужившем «первоначальным источником вдохновения для конструктивистских институционалистов» [32, р. 60], но при этом имеет свои отличительные особенности. В отличие от исторического институционализма, рассматривающего процесс изменений институтов с позиций *patch dependence* либо внешних шоков, иными словами, видящего причины изменений в экзогенных факторах, конструктивистские институционалисты фокусируются на эндогенной стороне изменений. При этом конструктивистский институционализм, не отрицая наличия *patch dependence*, дополняет его зависимостью от идей (*ideational path dependence*) [32, р. 65]. То есть идеи, на которых основаны институты, влияют на дальнейшее их изменение и накладывают свои ограничения [32, р. 65]. Сами же изменения рассматриваются «с точки зрения взаимодействия между стратегическим поведением и стратегическим контекстом, в котором оно задумано, и последующим раскрытием его последствий, как запланированных, так и непреднамеренных» [32, р. 64]. Таким образом, акторы, исходя из своих интересов, посредством идей изменяют институты.

В целом конструктивистскому институционализму присуще рассмотрение институтов как аналитической категории, отсюда вытекает важность того, как интерпретируются институты и события [45, р. 9]. Иными словами, при осуществлении политической конкуренции на передний план выступает конкуренция за верную интерпретацию событий, исходя из которой и предпринимаются дальнейшие действия, направленные на изменение институтов. Д. Ньюман справедливо отмечает: «институты меняются, но они не меняются сами по себе, они меняются в результате того, что акторы понимают их, и, в частности, в результате особого понимания, которое становится доминирующим» [45, р. 9].

При этом представители конструктивистского институционализма критикуют сложившиеся институционализмы, и в особенности исторический институционализм, за чрезмерный детерминизм и неспособность объяснить институциональные изменения. С. Белл в своей статье задается вопросом: «Нужен ли нам, действительно, „конструктивистский институционализм“ для объяснения институциональных изменений?» [22].

Подробно проанализировав критику исторического институционализма с позиций конструктивизма, он выяснил, что эта критика однобоко представляет исторический институционализм как монолитное целое, что является неверным. Исторический институционализм состоит из двух разных типов подходов [22, р. 890]. Объектом критики является липкая (sticky) версия, основанная на path-dependenc. При критике исторического институционализма конструктивисты упускают из вида более гибкую (flexible) версию исторического институционализма, которая легко встраивается в систему взглядов конструктивистов. Кроме того, С. Белл полагает «...неразумным проводить четкую грань между экзогенными и эндогенными факторами в институциональном анализе» [22, р. 896], т. е. необходимо нивелировать дуализм в понимании изменений (дуализм между источниками эндогенных и экзогенных источников изменений), характерный как для исторического институционализма липкой (sticky) версии, так и конструктивистского.

К конструктивистам принято относить К. Анселля [20; 21] и его сетевой институционализм. Несмотря на явные отличия от основных институциональных подходов, которым присущи формальность и имперсонализм, сетевой институционализм справедливо относят к конструктивистскому направлению ввиду того, что сети, прежде всего, это социальные структуры, построенные на взаимных обязательствах и лояльности при выстраивании отношений [20, р. 77]. Сетевой подход нашел широкое применение при исследовании политики, организаций и рынков. Как и другие институциональные направления, он не избежал критики; основным замечанием является, что «он хорош для описания экономической, политической или социальной сложности, но менее полезен для получения проверяемых причинно-следственных аргументов» [20, р. 85].

К. Анселль отмечает, что «фактически сетевой подход остается более разнообразным набором дублирующих дискуссий, чем единым унифицированным подходом к пониманию институтов» [20, р. 85].

Таким образом, конструктивистский институционализм подчеркивает важность роли идей институтов в конструировании реальности, при этом ведущее значение отводится идеям. Следует отметить, что конструктивисты не первые обращаются к идеям как переменным, позволяющим понять институциональные изменения. Как исторический институционализм, так и институционализм рационального выбора делали попытки ввести идеи в исследовательскую повестку, при этом рассматривая их как остаточную категорию [25, р. 230].

Введение идей в исследовательскую повестку порождает ряд проблем, которые необходимо решить исследователю:

- 1) методологические проблемы, которые выражаются в сложности измерения идей, т. е. «...идеи не являются конкретными или измеримыми, а скорее развиваются и гибки» [31, р. 76];
- 2) проблема функциональной двойственности идей: с одной стороны, они могут инициировать инновации, а с другой — быть фактором, закрепляющим устоявшийся порядок [9, с. 27];
- 3) проблема определения происхождения идей.

Попытки решить вышеперечисленные проблемы, в особенности проблему функциональной двойственности идей, предпринимаются в дискурсивном институционализме. Дискурсивный институционализм первоначально рассматривался как версия конструктивистского институционализма, но впоследствии получил развитие как самостоятельное направление [6, с. 198]. Важнейший вклад в развитие дискурсивного институционализма сделала В. Шмидт, которая по праву считается основоположницей данного неинституционального направления. Основной акцент в дискурсивном институционализме делается на динамичности изменении институтов в противовес статичным представлениям представителей трех общепринятых

неоинституционализмов. При этом важным является то, что данные изменения рассматриваются эндогенно, т. е. внутренние изменения рассматриваются без влияния внешних факторов [34, р. 4]. Кроме того, в дискурсивном институционализме можно выделить ряд особенностей, которые позволяют обособить его в отдельное направление неоинституционализма. В. Шмидт отмечает, что «...дискурсивный институционализм разделяет с другими неоинституционализмами основной акцент на важности институтов, но он отличается по своему определению институтов, по своим объектам и логике объяснения, а также по способам, которыми он имеет дело с изменениями» [49, р. 4]. Так, в дискурсивном институционализме «одно временно рассматриваются институты как данные (как контекст, в котором агенты думают, говорят и действуют) и как контингент (как результат мыслей, слов и действий агентов)» [48, р. 314].

Дискурсивный институционализм полностью не отрекается от предыдущих версий неоинституционализма, наоборот, несмотря на различия в аналитических структурах и работе на разных уровнях абстракции, делает попытки объединения различных подходов [48; 49; 50; 51]. В. Шмидт полагает, что возможно объединить истерический и дискурсивный институционализмы, но при этом не нарушать существующие границы между подходами, если это может привести к противоречиям [50, р. 2].

Важно отметить, что все три традиционных неоинституционализма делают попытки использовать идеи для объяснения изменений и тем самым избежать статики в своих объяснениях. Исторический институционализм является наиболее подходящим для объединения с дискурсивным институционализмом, поскольку, находясь между социологическим и рациональным выбором, которые между собой практически несовместимы, может взаимодействовать с любым из двух при включении агентств [49, р. 21].

Концентрируясь на постепенных идеальных процессах, дискурсивные институционалисты идентифицируют идеи на трех уровнях общности: политические идеи, быстро изменяющиеся; программные идеи, лежащие в основе политических, изменения происходят медленно и постепенно; философские идеи, лежащие в основе программных, редко оспариваются и, соответственно, изменяются также редко. Содержательно на любом из уровней идеи могут быть представлены двумя типами идей: когнитивными и нормативными. Когнитивные идеи предназначены для объяснения сложившейся ситуации и служат обоснованием политических действий (политик и программ). В то время как нормативные идеи определяют соответствие политик и программ принципам и ценностям общества. Идеи всех типов и на всех уровнях передаются посредством интерактивного процесса (дискурса), при этом дискурсивное взаимодействие осуществляется в двух формах: координационный и коммуникативный дискурс [48; 50; 51].

Несмотря на то, что дискурсивный институционализм — относительно новое направление неоинституционализма, призванное решить накопившиеся проблемы предыдущих версий, он не избавлен от недостатков. Так, например, О. Ларсен, критикуя дискурсивный институционализм наряду с конструктивистским институционализмом, выделяет следующие недостатки этих подходов: 1) отсутствие динамической связи между мыслящими агентами (*reflective agents*) и идеальными структурами; 2) отсутствие убедительного теоретического объяснения динамической связи между субъективными и интерсубъективными идеями; 3) отсутствие описания механизма, объясняющего, как идеи становятся частью причинной истории институциональных изменений; 4) отсутствие исследований того, как создаются мотивы и интересы [34, р. 34].

Как видим, благодаря своим нововведениям и новым интерпретациям дискурсивный институционализм по праву можно назвать четвертым видом неоинституциона-

лизма, дополняющим три уже ставших традиционными институционализма. В целом можно согласиться с мнением венгерского исследователя З. Груньху, что «дискурсивный институционализм можно рассматривать как методологическое новшество для более динамичного решения и исследования институциональных изменений (стабильности) с помощью восприятия и их интерпретаций» [28, р. 20].

Отечественный исследователь И. А. Шмерлина отмечает, что «и конструктивистский, и дискурсивный разновидности институционализма являются, по сути, авторскими направлениями, практически не получающими развития в институциональных исследованиях» [19, с. 112]. Действительно, в период своего зарождения, возможно, это и были авторские направления, но за последние годы появилось большое количество исследований, развивающих идеи данных подходов [7; 23; 28; 31; 53 и др.].

Дискурсивный институционализм продолжает развиваться, существует позиция, объединяющая дискурсивный институционализм с конструктивистским и идеалистическим институционализмом в отдельную группу «постисторических институциональных» (post-historical institutionalist) подходов [44]. Общим для всех этих подходов является «направленность на аффективную роль идей» [44, р. 112].

Дэвид С. Мун считает, что дальнейшее развитие этой группы институциональных направлений возможно осуществлять на базе постструктуралистских концепций и аналитических инструментов. Дополнение конструктивистско-дискурсивного инструментария постструктуралистскими идеями позволит более подробно исследовать динамику внутри институциональной борьбы [44, р. 113]. Такое дополнение позволяет говорить о продолжении формирования в институциональных исследованиях такого нового институционального направления, как постструктуралистский институционализм. С позиций постструктуралистского институционализма все институты существуют как дискурсивные сущности, рассматриваемые в формальном и неформальном аспекте. Следовательно, говорить о завершении развития институционализма и формировании исчерпывающего списка неинституциональных подходов еще рано.

Среди тенденций, преобладающих при проведении современных институциональных исследований, можно выделить следующие:

- 1) продолжающаяся интеграция между различными институциональными подходами, выражающаяся во взаимном заимствовании методик и исследовательского инструментария;
- 2) концентрации на идеях, как новом элементе, который помогает объяснить изменения; если перефразировать Д. Нора, говорившего, что «история имеет значение» [12], можно сказать, что «идеи имеют значение»;
- 3) многообразие описания институциональных отношений от объединения акторов в коалиции до их борьбы;
- 4) устранение детерминизма при описании изменений институтов.

Таким образом, основной тенденцией является стирание границ между различными направлениями неинституционализма и взаимное проникновение методов между подходами. Неинституционализм позволяет комбинировать различные варианты для исследования, поэтому выбор того или иного варианта институционализма остается за автором исследования.

В целом же при проведении исследований политических систем необходимо:

- 1) рассматривать институты во взаимосвязи с другими институтами и явлениями политической жизни, такими как практики, нормы, интересы и идеи;
- 2) анализировать политическую реальность на различных уровнях.

Перспективными направлениями исследований в рамках неинституционального подхода могут быть:

- 1) комбинация patch dependence со смещением, расслоением, преобразованием, дрейфом и истощением для сочетания экзогенных и эндогенных факторов в объяснении изменений институтов. В свою очередь это позволит дать целостную

картину изменений, происходящих с институтами на различных этапах становления политических систем;

- 2) применение наработок дискурсивного институционализма относительно форм дискурсивного взаимодействия. Анализ смещения коммуникационного и координационного дискурсов под влиянием цифровизации. Цифровизация позволила акторам обращаться на прямую к общественности, что привело к изменению баланса, коммуникативного и координирующего дискурсов, что в свою очередь могло повлиять на расстановку сил между акторами.

Литература

1. Вейнгагст Б. Политические институты с позиций концепции рационального выбора // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина. М. : Вече, 1999. С. 181–204.
2. Вольман Х., Кулман С. Административная политика и административные реформы // Управленческое консультирование. 2017. №12. С. 226–237.
3. Димаджо П., Пауэлл У. В. Новый взгляд на «Железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Экономическая социология. 2010. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-vzglyad-na-zheleznuyu-kletku-institutsionalnyy-izomorfizm-i-kollektivnaya-ratsionalnost-v-organizatsionnyh-polyah> (дата обращения: 19.08.2020).
4. Дэвид П. Клио и экономическая теория QWERTY // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и как процесса. М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007.
5. Ирхин Ю. В. Переосмысливая институциональные подходы в политических науках: новые перспективы // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. 2015. № 1. С. 9–20.
6. Кокарев К. П. Институционализмы: САД расходящихся исследовательских тропок // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2014. № 4. С. 192–202.
7. Коновалов Д. А. Особенности формирования и функционирования диктатур с позиций конструктивистского институционализма // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2017. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-i-funktsionirovaniya-diktatur-s-pozitsiy-konstruktivistskogo-institutsionalizma> (дата обращения: 17.02.2020).
8. Кузнецов А. М. «Новый институционализм»: взгляд через призму дискурсивного анализа // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2014. № 4. С. 203–227.
9. Малинова О. Ю. Идеи, институты, процессы, акторы: проблема сопряжения // В кн.: Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / науч. ред. О. Ю. Малинова. М. : РОССПЭН, 2011. С. 21–32.
10. Матвеев А. А. Применение теории «path dependence» в исследовании институциональных преобразований в России // Управленческое консультирование. 2019. № 4. С. 107–113.
11. Мейер Д., Роуэн Б. Институционализированные организации: формальная структура как миф и церемониал // Экономическая социология. 2011. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalizirovannye-organizatsii-formalnaya-struktura-kak-mif-i-tseremonial> (дата обращения: 19.08.2020).
12. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М. : Начала, 1997.
13. Патрушев С. В. Институциональная политология: четверть века спустя // Политическая наука. 2009. № 3. С. 5–19.
14. Патрушев С. В., Айвазова С. Г., Клемент К. М. и др. Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С. В. Патрушева. М. : ИСП РАН, 2006.
15. Патрушев С. В. Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы // Политическая наука. 2001. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalizm-v-politicheskoy-nauke-etapy-techeniya-idei-problemy> (дата обращения: 08.11.2019).
16. Питерс Г. Политические институты: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / ред. Р. Гудин. М. : Вече, 1999. С. 218–232.

17. Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология. 2001. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polya-vlast-i-sotsialnye-navyki-kriticheskiy-analiz-novykh-institutsionalnykh-techeniy> (дата обращения: 07.09.2020).
18. Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная Наука. Способы объяснения системного провала. М. : Изд. Дом высшей школы экономики, 2015.
19. Шмерлина И. А. «Институциональная логика»: критический анализ направления // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 4. С. 110–138.
20. Ansell C. Network Institutionalism // R. A. W. Rhodes, et. al., eds. The Oxford Handbook of Political Institutions. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 75–89.
21. Ansell C. The Networked Polity: Regional Development in Western Europe // Governance: An International Journal of Policy and Administration. 2000. Vol. 13. N 3. P. 303–333.
22. Bell S. Do We Really Need a New 'Constructivist Institutionalism' to Explain Institutional Change? // British Journal of Political Science. 2011. Vol. 41. N 4. P. 883–906.
23. Bell S. Historical Institutionalism and New Dimensions of Agency: Bankers, Institutions and the 2008 Financial Crisis // Political Studies. 2017. Vol. 65. N 3. P. 724–739.
24. Blom-Hansen J. A «New Institutional» Perspective on Policy Networks // Public Administration. 1997. Vol. 75. N 4. P. 669–693.
25. Blyth M. M. «Any More Bright Ideas? » The Ideational Turn of Comparative Political Economy // Comparative Politics. 1997. Vol. 29. N 2. P. 229–250.
26. Capoccia G., Kelemen R. D. The Study of Critical Junctures: Theory, Narrative, and Counterfactuals in Historical Institutionalism // World Politics. 2007. N 3 (59). P. 341–369.
27. Collier D., Collier R. Shaping the Political Arena: Critical Junctures, the Labor Movement, and Regime Dynamics in Latin America. University of Notre Dame Press, 2002
28. Grunhut Z. Europeanization: a Critical Realist, Discursive Institutional Approach // On-line Journal Modelling the New Europe. 2019. N 29 [Electronic resource]. URL: http://neweurope.centre.ubbcluj.ro/wp-content/uploads/2019/04/1-article_GRUNHUT.pdf (accessed: 07.09.2020).
29. Hacker J. S., Pierson P., Thelen K. Drift and conversion: hidden faces of institutional change ed. J. Mahoney, K. Thelen, Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 180–208.
30. Hall P. A., Taylor R. C. R. Political Science and the Three New Institutionalisms // Political Studies. 1996. N 5 (44). P. 936–957.
31. Hassan O. Constructivist-Institutionalism and the Invasion of Iraq: Crisis, Learning and the National Interest // Horizons in Humanities and Social Sciences: An International Refereed Journal. 2015. N 1 [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/283553525_Constructivist-Institutionalism_and_the_Invasion_of_Iraq_Crisis_Learning_and_the_National_Interest (accessed: 07.09.2020).
32. Hay C. Constructivist Institutionalism // R. A. W. Rhodes et. al., eds. The Oxford Handbook of Political Institutions. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 56–74.
33. Katznelson I., Weingast B. R. Intersections Between Historical and Rational Choice Institutionalism [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/318780714_Intersections_Between_Historical_and_Rational_Choice_Institutionalism (accessed: 07.09.2020).
34. Larsson O. Exploring the Full Potential of Ideas in Neo-institutionalism // Conference: forthcoming in Critical Review 2015. Vol. 27. N 2 [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/275209341_Exploring_the_Full_Potential_of_Ideas_in_Neo-institutionalism (accessed: 07.09.2020).
35. Lecours A., Dupré J.-F. The emergence and transformation of self-determination claims in Hong Kong and Catalonia: A historical institutionalist perspective // Ethnicities. 2020. P. 3–23.
36. Ma S.-Y. Political Science at the Edge of Chaos? The Paradigmatic Implications of Historical Institutionalism // International Political Science Review. 2007. Vol. 28. N 1. P. 57–78.
37. Mabee B. Historical Institutionalism and Foreign Policy Analysis: The Origins of the National Security Council Revisited: Historical Institutionalism and Foreign Policy Analysis // Foreign Policy Analysis. 2011. N1 (7). P. 27–44.
38. Mahoney J. Path dependence in historical sociology // Theory and Society. 2000. Vol. 29. N 4. P. 507–548.
39. Mahoney J., Thelen K. A Theory of Gradual Institutional Change // J. Mahoney, K. Thelen (Eds.), Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. P. 1–37.
40. Mahoney J. Path-Dependent Explanations of Regime Change: Central America in Comparative Perspective // Studies in Comparative International Development. 2001. Vol. 36. N 1. P. 111–141.

41. March J. G., Olsen J. P. Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics, New York : Free Press, 1989.
42. March J. G., Olsen J. P. Elaborating the "New Institutionalism" [Electronic resource]. URL: <http://unesco.amu.edu.pl/pdf/olsen2.pdf> (accessed: 07.09.2020).
43. March J. G., Olsen J. P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // American Political Science Review. 1983. Vol. 78. N 3. P. 734–749.
44. Moon D. S. 'Tissue on the Bones': Towards the Development of a Post-structuralist Institutionalism // Politics. 2013. N 2 (33). P. 112–123.
45. Newman J. Morphogenetic theory and the constructivist institutionalist challenge // Journal for the Theory of Social Behaviour, 2018. Vol. 49. N 1 [Electronic resource]. URL: <http://eprints.whiterose.ac.uk/137762/1/Newman%2C%20J.%20%282018%29%20Morphogenetic%20Theory%20and%20the%20Constructivist%20Institutionalist%20Challenge.pdf> (accessed: 07.09.2020).
46. Peters B. G. Institutional theory in political science: the new institutionalism. London; New York : Pinter, 1999.
47. Pierson P. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // American Political Science Review. 2000 Vol. 94. N 2. P. 251–267.
48. Schmidt V. A. Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse // Annual Review of Political Science. 2008. Vol. 11. N 1. P. 303–326.
49. Schmidt V. A. Taking ideas and discourse seriously: explaining change through discursive institutionalism as the fourth 'new institutionalism' // European Political Science Review. 2010. Vol. 2. N 1. P. 1–25.
50. Schmidt V. Analyzing Ideas and Tracing Discursive Interactions in Institutional Change: From Historical Institutionalism to Discursive Institutionalism // APSA 2010 Annual Meeting Paper [Electronic resource]. URL: <https://poseidon01.ssrn.com/delivery.pdf> (accessed: 07.09.2020).
51. Schmidt V. A. From historical institutionalism to discursive institutionalism: Explaining change in comparative political economy: Paper prepared for presentation at the American political science association meetings, Boston Aug 2008. Revision of a paper prepared for presentation to the biannual meeting of the Council for European studies, Chicago, Ill., March 6–8, 2008 [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/228911519_From_Historical_Institutionalism_to_Discursive_Institutionalism_Explaining_Change_in_Comparative_Political_Economy (accessed: 07.09.2020).
52. Shepsle K. A. Rational Choice Institutionalism // R. A. W. Rhodes et. al., eds. The Oxford Handbook of Political Institutions. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 23–38.
53. Sivesind K., Wahlström N. Curriculum and Leadership in Transnational Reform Policy: A Discursive-Institutionalist Approach [Electronic resource]. URL: https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-3-319-58650-2_14.pdf (accessed: 07.09.2020).
54. Streeck W., Thelen K. Beyond Continuity: Institutional Change in Advanced Political Economies / ed. W. Streeck, K. Thelen. Oxford; New-York : Oxford University Press, 2005.
55. Thelen K. Historical institutionalism in comparative politics // Annual review of political science. Palo Alto, Calif., 1999. Vol. 2. P. 369–404.
56. Weyland K. Limitations of rational-choice institutionalism for the study of Latin American politics // Studies in Comparative International Development. 2002. Vol. 37. N 1. P. 57–85.

Об авторе:

Матвеев Александр Андреевич, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; matveevalexandr2009@yandex.ru

References

1. Weingast B. Political institutions from the standpoint of the concept of rational choice // Political science: new directions / ed. R. Goodin. M. : Veche, 1999. P. 181–204. (In rus)
2. Wolman H., Kulman S. Administrative policy and administrative reforms // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. N 12. P. 226–237. (In rus)
3. DiMaggio P., Powell W. V. A new look at the «Iron Cage»: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields // Economic sociology [Ekonomicheskaya sotsiologiya]. 2010. N 1 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-vzglyad-na-zhe->

- leznuyu-kletku-institutsionalnyy-izomorfizm-i-kollektivnaya-ratsionalnost-v-organizatsionnyh-polyah (accessed: 19.08.2020). (In rus)
4. David P. Clio and the economic theory of QWERTY // Origins: from the experience of studying the economy as a structure and as a process. M. : Ed. house SU-HSE, 2007. (In rus)
 5. Irkhin Yu. V. Rethinking institutional approaches in political sciences: new perspectives // Vestnik RGGU. Series: Political Science. History. International relationships [Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya]. 2015. N 1. P. 9–20. (In rus)
 6. Kokarev K. P. Institutionalisms: SAD of diverging research paths // METHOD: Moscow Yearbook of Works from Social Science Disciplines [METOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin]. 2014. N 4. P. 192–202. (In rus)
 7. Konovalov D. A. Features of the formation and functioning of dictatorships from the standpoint of constructivist institutionalism // Bulletin of Omsk University. Series «Historical Sciences» [Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»]. 2017. N 3 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-i-funktsionirovaniya-diktatur-s-pozitsiy-konstruktivistskogo-institutsionalizma> (accessed: 17.02.2020) (In rus)
 8. Kuznetsov A. M. «New institutionalism»: a view through the prism of discourse analysis // METHOD: Moscow yearbook of works from social science disciplines [METOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin]. 2014. N 4. P. 203–227. (In rus)
 9. Malinova O. Yu. Ideas, institutions, processes, actors: the problem of conjugation // In the book: Ideological and symbolic space of post-Soviet Russia: dynamics, institutional environment, actors / scientific. ed.: O. Yu. Malinova. M. : ROSSPEN, 2011. P. 21–32. (In rus)
 10. Matveev A. A. Application of the Theory of “Path Dependence” In the Study of Institutional Transformations in Russia // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. № 4. P. 107–113.
 11. Meyer D., Rowan B. Institutionalized organizations: formal structure as myth and ceremonial // Economic sociology [Ekonomicheskaya sotsiologiya]. 2011. N 1 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalizirovannye-organizatsii-formalnaya-struktura-kak-mif-i-tseremonial> (accessed: 19.08.2020). (In rus)
 12. North D. Institutions, institutional change and the functioning of the economy. M. : Beginnings, 1997. (In rus)
 13. Patrushev S. V. Institutional political science: a quarter of a century later // Political science [Politicheskaya nauka]. 2009. N 3. P. 5–19. (In rus)
 14. Patrushev S. V., Aivazova S. G., Klement K. M. et al. Panov Institutional Political Science: Contemporary Institutionalism and Political Transformation of Russia / ed. S. V. Patrushev. M. : ISP RAS, 2006. (In rus)
 15. Patrushev S. V. Institutionalism in political science: stages, trends, ideas, problems // Political science [Politicheskaya nauka]. 2001. N 2 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalizm-v-politicheskoy-nauke-etapy-techeniya-idei-problemy> (accessed: 08.11.2019). (In rus)
 16. Peters G. Political institutions: yesterday and today // Political science: new directions / ed. R. Goodin. M. : Veche, 1999. P. 218–232. (In rus)
 17. Fligstein N. Fields, power and social skills: a critical analysis of new institutional trends // Economic sociology [Ekonomicheskaya sotsiologiya]. 2001. N 4 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polya-vlast-i-sotsialnye-navyki-kriticheskiy-analiz-novykh-institutsionalnyh-techeniy> (accessed: 09/07/2020). (In rus)
 18. Hedlund S. Invisible Hands, Russian Experience and Social Science. Ways to Explain Systemic Failure. M. : Higher School of Economics, 2015. (In rus)
 19. Shmerlina I. A. «Institutional logic»: a critical analysis of the direction // Sociological journal [Sotsiologicheskii zhurnal]. 2016. Vol. 22. N 4. P. 110–138. (In rus)
 20. Ansell C. Network Institutionalism // R. A. W. Rhodes, et. al., eds. The Oxford Handbook of Political Institutions. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 75–89.
 21. Ansell C. The Networked Polity: Regional Development in Western Europe // Governance: An International Journal of Policy and Administration. 2000. Vol. 13. N 3. P. 303–333.
 22. Bell S. Do We Really Need a New ‘Constructivist Institutionalism’ to Explain Institutional Change? // British Journal of Political Science. 2011. Vol. 41. N 4. P. 883–906.
 23. Bell S. Historical Institutionalism and New Dimensions of Agency: Bankers, Institutions and the 2008 Financial Crisis // Political Studies. 2017. Vol. 65. N 3. P. 724–739.
 24. Blom-Hansen J. A «New Institutional» Perspective on Policy Networks // Public Administration. 1997. Vol. 75. N 4. P. 669–693.

25. Blyth M. M. «Any More Bright Ideas? » The Ideational Turn of Comparative Political Economy // *Comparative Politics*. 1997. Vol. 29. N 2. P. 229–250.
26. Capoccia G., Kelemen R. D. The Study of Critical Junctures: Theory, Narrative, and Counterfactuals in Historical Institutionalism // *World Politics*. 2007. N 3 (59). P. 341–369.
27. Collier D., Collier R. *Shaping the Political Arena: Critical Junctures, the Labor Movement, and Regime Dynamics in Latin America*. University of Notre Dame Press, 2002.
28. Grunhut Z. Europeanization: a Critical Realist, Discursive Institutional Approach // *On-line Journal Modelling the New Europe*. 2019. N 29 [Electronic resource]. URL: http://neweurope.centre.ubbcluj.ro/wp-content/uploads/2019/04/1-article_GRUNHUT.pdf (accessed: 07.09.2020).
29. Hacker J. S., Pierson P., Thelen K. *Drift and conversion: hidden faces of institutional change* ed. J. Mahoney, K. Thelen, Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 180–208.
30. Hall P. A., Taylor R. C. R. *Political Science and the Three New Institutionalisms* // *Political Studies*. 1996. N 5 (44). P. 936–957.
31. Hassan O. Constructivist-Institutionalism and the Invasion of Iraq: Crisis, Learning and the National Interest // *Horizons in Humanities and Social Sciences: An International Refereed Journal*. 2015. N 1 [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/283553525_Constructivist-Institutionalism_and_the_Invasion_of_Iraq_Crisis_Learning_and_the_National_Interest (accessed: 07.09.2020).
32. Hay C. Constructivist Institutionalism // R. A. W. Rhodes et. al., eds. *The Oxford Handbook of Political Institutions*. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 56–74.
33. Katznelson I., Weingast B. R. Intersections Between Historical and Rational Choice Institutionalism [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/318780714_Intersections_Between_Historical_and_Rational_Choice_Institutionalism (accessed: 07.09.2020).
34. Larsson O. Exploring the Full Potential of Ideas in Neo-institutionalism // Conference: forthcoming in *Critical Review* 2015. Vol. 27. N 2 [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/275209341_Exploring_the_Full_Potential_of_Ideas_in_Neo-institutionalism (accessed: 07.09.2020).
35. Lecours A., Dupré J.-F. The emergence and transformation of self-determination claims in Hong Kong and Catalonia: A historical institutionalist perspective // *Ethnicities*. 2020. Vol. 20. N 1. P. 3–23.
36. Ma S.-Y. Political Science at the Edge of Chaos? The Paradigmatic Implications of Historical Institutionalism // *International Political Science Review*. 2007. Vol. 28. N 1. P. 57–78.
37. Mabee B. Historical Institutionalism and Foreign Policy Analysis: The Origins of the National Security Council Revisited: Historical Institutionalism and Foreign Policy Analysis // *Foreign Policy Analysis*. 2011. N1 (7). P. 27–44.
38. Mahoney J. Path dependence in historical sociology // *Theory and Society*. 2000. Vol. 29. N 4. P. 507–548.
39. Mahoney J., Thelen K. A Theory of Gradual Institutional Change // J. Mahoney, K. Thelen (Eds.), *Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power*. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. P. 1–37.
40. Mahoney J. Path-Dependent Explanations of Regime Change: Central America in Comparative Perspective // *Studies in Comparative International Development*. 2001. Vol. 36. N 1. P. 111–141.
41. March J. G., Olsen J. P. *Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics*, New York : Free Press, 1989.
42. March J. G., Olsen J. P. Elaborating the “New Institutionalism” [Electronic resource]. URL: <http://unesco.amu.edu.pl/pdf/olsen2.pdf> (accessed: 07.09.2020).
43. March J. G., Olsen J. P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // *American Political Science Review*. 1983. Vol. 78. N 3. P. 734–749.
44. Moon D. S. ‘Tissue on the Bones’: Towards the Development of a Post-structuralist Institutionalism // *Politics*. 2013. N 2 (33). P. 112–123.
45. Newman J. Morphogenetic theory and the constructivist institutionalist challenge // *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 2018. Vol. 49. N 1 [Electronic resource]. URL: <http://eprints.whiterose.ac.uk/137762/1/Newman%2C%20J.%20%282018%29%20Morphogenetic%20Theory%20and%20the%20Constructivist%20Institutionalist%20Challenge.pdf> (accessed: 07.09.2020).
46. Peters B. G. *Institutional theory in political science: the new institutionalism*. London; New York : Pinter, 1999.
47. Pierson P. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // *American Political Science Review*. 2000 Vol. 94. N 2. P. 251–267.
48. Schmidt V. A. Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse // *Annual Review of Political Science*. 2008. Vol. 11. N 1. P. 303–326.

49. Schmidt V.A. Taking ideas and discourse seriously: explaining change through discursive institutionalism as the fourth 'new institutionalism' // *European Political Science Review*. 2010. Vol. 2. N 1. P. 1–25.
50. Schmidt V. Analyzing Ideas and Tracing Discursive Interactions in Institutional Change: From Historical Institutionalism to Discursive Institutionalism // *APSA 2010 Annual Meeting Paper* [Electronic resource]. URL: <https://poseidon01.ssrn.com/delivery.pdf> (accessed: 07.09.2020).
51. Schmidt V.A. From historical institutionalism to discursive institutionalism: Explaining change in comparative political economy: Paper prepared for presentation at the American political science association meetings, Boston Aug 2008. Revision of a paper prepared for presentation to the biannual meeting of the Council for European studies, Chicago, Ill., March 6–8, 2008 [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/228911519_From_Historical_Institutionalism_to_Discursive_Institutionalism_Explaining_Change_in_Comparative_Political_Economy (accessed: 07.09.2020).
52. Shepsle K. A. Rational Choice Institutionalism // R. A.W. Rhodes et. al., eds. *The Oxford Handbook of Political Institutions*. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 23–38.
53. Sivesind K., Wahlström N. Curriculum and Leadership in Transnational Reform Policy: A Discursive-Institutionalist Approach [Electronic resource]. URL: https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-3-319-58650-2_14.pdf (accessed: 07.09.2020).
54. Streeck W., Thelen K. *Beyond Continuity: Institutional Change in Advanced Political Economies* / ed. W. Streeck, K. Thelen. Oxford; New-York : Oxford University Press, 2005.
55. Thelen K. Historical institutionalism in comparative politics // *Annual review of political science*. Palo Alto, Calif., 1999. Vol. 2. P. 369–404.
56. Weyland K. Limitations of rational-choice institutionalism for the study of Latin American politics // *Studies in Comparative International Development*. 2002. Vol. 37. N 1. P. 57–85.

About the author:

Alexander A. Matveev, Associate Professor of the Chair of State and Municipal Management of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences; matveevalexandr2009@yandex.ru